

Угличанинова М.С.

**Воспоминания воспитанницы
Смольного монастыря сороковых
годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М11

М11 **М.С. У.**
Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов / Угличанинова М.
С. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 76 с.

ISBN 978-5-519-78156-5

С письмами к родным подруги ее по ин-ту Ельчаниновой, впоследствии Невельской, во время экспедиции ее мужа на Амур

ISBN 978-5-519-78156-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

что такое смерть, еще недавно умеръ и хоронили моего маленькаго брата, и горько плача стала обнимать няню, прося ее не говорить этого, но она какъ будто обрадовалась моему горю и по обыкновенію оттолкнувъ меня, стала скоро такъ говорить:

— Да, да, на меня надѣнуть саванъ, положить въ гробъ, заколотятъ его и заруютъ въ могилу, а ты и оставайся безъ твоей няньки.

Рисуя мнѣ эти картины, она разрывала мое маленькое сердце, заставляя его не по-дѣтски страдать. Эта первая моя привязанность дала мнѣ много горя и ничѣмъ хорошимъ не могу ее помянуть. Мнѣ шелъ уже восьмой годъ, а меня по причинѣ моей слабости все еще не начинали учить. Наконецъ, отецъ сказалъ что пора приниматься за азбуку. Для этого пригласили старую дѣвицу изъ духовнаго званія. Звали ее Аграфеной Петровной. Я ее знала, такъ какъ она у насъ и раньше часто гостила, и я любила слушать ея страшныя сказки. Это было добродушное существо, съ желтоватымъ испорченнымъ оспою лицомъ, съ маленькими глазками и такимъ же носикомъ. Ходила она всегда въ сарафанахъ и въ бѣлой полотняной съ длинными рукавами сорочкѣ. На головѣ носила темную косынку, изъ которой сдѣлано было въ родѣ уборчика который прямо и надѣвался, или, какъ тогда говорили, повязана была маленькою головкой.

По ея распоряженію мнѣ купили азбуку и сдѣлали указку, вродѣ маленькой деревянной вилочки. Я съ большою охотой принялась за ученіе и очень скоро выучила названіе буквъ: азъ, буки, вѣди и такъ далѣе, но когда дѣло дошло до складовъ, какъ на примѣръ: буки арцы азъ-ра бра, голова моя рѣшительно отказывалась понимать. Я кидала въ сторону азбуку и указку и начинала громко плакать, вызывая этимъ маму. Та приходила, смотрѣла не горяча ли моя голова, и ученіе прекращалось.

Тогда Аграфена Петровна посоветовала мамѣ велѣть выкрасить указку, не пойдетъ ли, дескать, дѣло лучше на ладъ, но и выкрашенная по ея совѣту въ голубую краску указка дѣла съ ученіемъ не подвинула, а, кажется, еще пошло хуже.

Надо сказать что все это я продѣлывала когда отецъ уходилъ на службу; училась же я въ комнатѣ рядомъ съ его кабинетомъ. Я его очень любила, но вмѣстѣ съ этимъ и страшно боялась, особенно его ременной трехвостки висѣвшей у него на гвоздикѣ въ кабинетѣ и которую иногда видала на нѣкоторыхъ въ дѣлѣ.

Отъ него мама и Аграфена Петровна тщательно скрывали мои капризы, и на вопросъ отца какъ идетъ ученіе, учительница моя скромно потупляла глаза, а мама отвѣчала неопредѣленно:

— Учится, начала тройные склады.

Но вот однажды, когда по моимъ разчетамъ отца не было дома, и когда мнѣ особенно нестерпимы показались азбука, указка и сама Аграфена Петровна, азбуку я изорвала, указку сломала и съ громкимъ плачемъ бросилась на полъ, стуча руками и ногами, то-есть, вызывая этимъ маму. Но каковъ же былъ мой испугъ когда въ дверяхъ вмѣсто нея увидѣла отца въ синемъ халатѣ подпоясанномъ чернымъ ремнемъ, въ большихъ круглыхъ очкахъ и съ ременною трехвосткой въ рукахъ. Такимъ онъ навсегда сохранился въ моей памяти. Подхвативъ меня съ пола, онъ положилъ меня на одно колѣно и сталъ жестоко наказывать. На мои вопли прибѣжала мама и когда ей съ Аграфеной Петровной съ трудомъ удалось вырвать меня изъ его рукъ, и она обливая меня слезами стала бранить отца, называя его варваромъ и тираномъ, какъ я хорошо помню, мнѣ сдѣлалось на нее досадно, на отца же не было ни малѣйшей злобы. Въ его оправданіе я должна сказать что, во-первыхъ, онъ былъ страшно вспыльчивъ и въ это время, какъ онъ самъ говорилъ, не помнилъ себя; во-вторыхъ, онъ питалъ особенное благоговѣніе къ ученію и ученымъ, и конечно ему было горько что его любимая дочка хочетъ остаться неучемъ. Онъ былъ, какъ говорили знавшіе его люди, отъ природы человекъ очень умный, но не получившій никакого образованія, о чемъ всегда скорбѣлъ, и какъ онъ самъ сказывалъ, поступивъ въ 1799 году юнкеромъ въ полкъ, только тамъ научился читать и писать, но писалъ правильно, какъ я могла судить по его ко мнѣ письмамъ въ Смольный. Онъ сдѣлалъ кампаніи 1806, 1807, 1812, 1814 гг., былъ во многихъ сраженіяхъ и, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, своею храбростію и отвагою служилъ примѣромъ воинамъ, за что награжденъ былъ орденомъ. Онъ вышелъ въ отставку въ 1815 году женившись сорока лѣтъ на мамѣ, когда ей было 17, и послѣ того постоянно служилъ по выборамъ дворянства. Что онъ жалѣлъ меня наказавъ такъ жестоко, я могу судить по тому что когда мой маленькій братъ вздумалъ при немъ смѣяться, говоря что онъ знаетъ по комъ сегодня гуляла трехвосточка, онъ такъ грозно на него закричалъ что тотъ сейчасъ же присмирѣлъ, а потомъ увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ такъ ласково со мной говорилъ, между прочимъ, о томъ что я его очень огорчила нежеланіемъ учиться и отпустилъ меня, погладивъ по головѣ и глубоко вздохнувъ.

Съ этихъ поръ капризы мои все кончились, хотя ученіе нисколько не подвигалось. Какъ попугай повторяла я склады за Аграфеной Петровной, ничего не понимая; но вскорѣ должна была произойти перемѣна во всей моей жизни.

II.

Пріѣхаль какъ то къ намъ родственникъ моей мамы, С. Ф. К., бывший тогда губернскимъ предводителемъ. Въ разговорѣ съ отцомъ онъ спросилъ, почему тотъ не подалъ прошенія о принятіи меня въ Смольный монастырь, гдѣ въ этотъ годъ должна была быть балотировка на пріемъ воспитанницъ.

На это отецъ отвѣтилъ что о старшей дочери онъ подавалъ во всѣ институты и все безуспѣшно.

— Одной счастію, другой другое, сказалъ С. Ф. и совѣтовалъ сейчасъ же написать прошеніе и послать съ эстафетой въ Кострому.

Такъ и сдѣлали. И какова же была радость моего отца, когда черезъ нѣсколько времени пришла бумага о принятіи меня въ Смольный монастырь, куда я должна была быть представлена не позднѣе 1-го сентября. Это было въ 1839 году. Говоря о радости отца, я увѣрена что мама ее не раздѣляла. Не проходило дня послѣ этого извѣстія чтобъ она не плакала.

— Ну, какъ она можетъ вывести тысячеверстную дорогу, говорила она съ сокрушеніемъ качая головой и ломая руки, — да ее туда и живую не довезутъ. Она тѣмъ болѣе сокрушалась что самой ей нельзя было меня провожать, такъ какъ находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности, отцу же нельзя было уѣхать отъ службы, и вотъ посовѣтовавшись между собою, рѣшились отправить меня съ сестрой моего отца которую мы всѣ, дѣти, очень любили и звали ее тетей Вѣрой.

У отца были двѣ сестры: Татьяна и Вѣра Филипповны которыя хотя и жили въ одной съ нами усадьбѣ, но имѣли свой собственный домикъ, раздѣленный на двѣ половины, такъ какъ сестры вмѣстѣ не уживались.

Одна была олицетворенный порядокъ, это Татьяна Филипповна. Въ ея комнатахъ все блестѣло чистотой, и сама она всегда была опрятно одѣта и въ бѣломъ чепчикѣ, но мы, дѣти, рѣдко къ ней забѣгали, она была слишкомъ серіозна и все боялась чтобы мы не нарушали ея порядка. Другая, Вѣра Филипповна была олицетворенный беспорядокъ. Бывало когда пріѣхавъ въ усадьбу прибѣжишь къ ней, то всегда увидишь ползающаго на полу съ подоткнутымъ подоломъ и съ кускомъ въ рукахъ ребенка. Тутъ же ходили куры, индѣйки, утки которымъ насыпанъ былъ кормъ и налита вода и вездѣ стояли лужи. Она радостно насъ встрѣчала и отдавала приказаніе своей крѣпостной прислугѣ Екатеринѣ дѣлать намъ яичницу и принести сливокъ съ творогомъ.

Эта единственная ея прислуга усердно ей носила почти каждый годъ ребятъ и все мальчиковъ которыхъ тетя Вѣра очень любила и возилась съ ними. Когда, бывало, который-нибудь изъ нихъ раскричится, то Катерина строго ей скажетъ:

— Что вы, барышня, не уймете его и не возьмете на руки, и тетя Вѣра повиновалась, уговаривая его разными ласкательными именами.

Помимо любви ея къ этимъ ребятамъ, вѣдь это были будущія мужскія души, какъ ихъ тогда называли, то-есть, ея кормильцы и поильцы. Когда же она пріѣзжала къ намъ въ городъ, я всегда съ восторгомъ ее встрѣчала.

Бывало, такъ и повиснешь у ней на шеѣ, а она уже въ это время побрякиваетъ въ карманѣ, гдѣ у нея вмѣстѣ съ ключами и табакеркой приготовлены конфеты или прянички, казавшіеся мнѣ и слаще и вкуснѣе дорогихъ лакомствъ привозившихся намъ иногда знакомыми отпа, и вотъ я тащу ее въ комнаты, гдѣ она усаживается на кресло, кладя нога на ногу на которую я взбираюсь, и она начинаетъ качать меня высоко подбрасывая и припѣвая: „Ты желанка моя, ты миланка моя“.

Какъ Татьяна Филипповна, такъ и тетя Вѣра звали моего отпа не иначе какъ „батьюшка-братецъ“ и всякое слово его было для нихъ законъ. Репутація ихъ была самая безупречная, и когда ихъ спрашивали почему онѣ не вышли замужъ (въ то время о которомъ я пишу онѣ были уже старыя дѣвицы), онѣ всегда отвѣчали:

— Хорошіе женихи къ намъ не сватались, а за плохихъ мы сами не пошли.

Судьба Татьяны Филипповны впоследствии была очень печальна. У ней также была одна крѣпостная, или, какъ тогда говорили, одна женская душа, носившая ей дѣтей и въ числѣ прочихъ одну дѣвочку которую она крестила и къ которой страстно привязалась со всѣмъ пыломъ своего одинокаго сердца.

Все чтò она сама знала ей передала и относилась къ ней какъ къ родной дочери, и я помню какъ все хвалили эту дѣвушку, но съ ней случилось несчастіе. она сдѣлалась беременной и со стыда предъ своею крестной сбѣжала отъ нея, а та отъ горя помѣшалась. Это случилось съ ней на послѣднемъ году моей жизни дома.

Помѣшательство ея было самое бурное, она все бѣгала ища маленькихъ дѣтей чтобы ихъ зарѣзать, и какъ насъ такъ и другихъ постоянно отъ нея скрывали; потомъ оно перешло въ тихое. Она только стонала, качаясь изъ стороны въ сторону, какъ будто отъ какой боли, и рѣдко приходила въ себя. Черезъ три года она умерла отъ чахотки, о чемъ я узнала уже въ Смольномъ.

Теперь перехожу къ прерванному разказу о моихъ сборахъ въ Петербургъ.

Надо напомнить что ни желѣзныхъ дорогъ, ни шоссе тогда не было, и ѣхавшій за тысячу верстъ какъ бы совершалъ какой подвигъ.

Отецъ и мама рѣшили отправить меня съ тетей Вѣрой въ своемъ экипажѣ на своихъ лошадяхъ, назначивъ кучеромъ прикащика Михайла какъ самое надежное лицо. Выдвинули изъ сарая зеленую бричку, осмотрѣли ее и нашли ее годною сдѣлать тысячеверстную дорогу, подобрали тройку лошадей могущихъ выдержать этотъ путь, и отецъ назначилъ день выѣзда 2-го августа.

Мама заливаясь слезами стала укладывать все нужное въ мой чемоданчикъ, отпуская также со мной евангелій погребецъ, наполнивъ его разными сдобными пирожками, конфетами и пряниками и между прочимъ уложила стклянку съ гофманскими каплями, наказывая тетѣ Вѣрѣ въ случаѣ моего нездоровья накапать ихъ на сахаръ и дать ихъ мнѣ. Мама находила что онѣ мнѣ всегда помогали когда сильно расплачусь. Я же очень любила ихъ на сахарѣ, и помнится что даже отравила ими свою любимую кошку, желая ее полечить.

О себѣ скажу что въ это время я только и думала какъ бы скорѣе ѣхать, и мнѣ очень нравилось всеобщее за мною ухаживаніе. Дворовые цѣловали меня, говоря что я уѣду маленькой, а пріѣду къ нимъ большою барышней; всѣ вѣдь знали что меня увозятъ на девять лѣтъ, даже няня ласкала меня, говоря что вѣрно я ее забуду, но привязанность моя къ ней въ это время какъ будто исчезла.

Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Послѣ напутственнаго молебна сѣли за столъ обѣдать. Отецъ посадилъ меня рядомъ съ собою, взялъ было ложку чтобы ѣсть супъ, и вдругъ ее опять назадъ положилъ и слезы покатились изъ его глазъ!

— Чувствую что уже въ послѣдній разъ сижу здѣсь съ тобою, Маша, и больше уже никогда съ тобой не увижусь, сказалъ онъ.

Мама же и за столъ не садилась, она лежала тутъ же на диванѣ обливаясь слезами. У меня слезъ не было, но внутри что-то странное стало происходить, и я съ тревогой поглядывала на всѣхъ.

Послѣ обѣда бричку съ кучеромъ Михайломъ отправили впередъ и велѣли остановиться на горѣ, а меня съ тетей Вѣрой пошли всѣ провожать. И вотъ когда мы приблизились къ этой горѣ, у меня какъ будто что-то оборвалось въ сердцѣ. Съ громкимъ рыданіемъ бросилась я къ мамѣ, обхвативъ руками ея ноги, и меня едва могли оторвать отъ нея. Всѣ плакали навзрыдъ, даже маленькій братишка мой съ которымъ мы такъ часто ссорились и тотъ утиралъ платкомъ глаза.

Отецъ взялъ меня на руки и я ухвативъ его шею руками и крѣпко къ нему прижавшись заливалась слезами. Онъ меня уговаривалъ, но слезы текли и у него изъ глазъ. Усавивъ меня въ бричку,

наложенную до верха подушками и наказавъ тетѣ Вѣрѣ беречь меня какъ зеницу ока, онъ крѣпко поцѣловалъ и перекрестилъ меня.

— Христосъ съ тобой! сказалъ онъ, — съ Богомъ! Трогай, Михайла!

Это былъ послѣдній поцѣлуй и послѣднія его слова, больше уже никогда мы съ нимъ не свидѣлись. Лошади тронулись, а я высушившись изъ брички и поддерживаемая тетей Вѣрой сквозь слезы стала глядѣть какъ намъ махали платками, но вотъ послѣдній взмахъ и все скрылось за пригоркомъ.

Прощай Галичъ! Прощай все родное, ставшее съ этихъ поръ такимъ дорогимъ.

III.

Я не помню первыхъ впечатлѣній въ дорогѣ, не помню городовъ, какими мы ѣхали, но знаю что ѣхали не на Москву. Экипажъ нашъ не ломался и лошади шли хорошо. Михайлу было приказано отцомъ больше пятидесяти верстъ въ сутки не дѣлать и шибко не ѣхать чтобы не растрясти ребенка, какъ онъ говорилъ, значить въ дорогѣ мы должны были пробить около трехъ недѣль. Но вотъ къ концу нашего путешествія я стала чувствовать недомоганіе, ничего не ѣла, меня знобило и болѣла голова, и моя тетя Вѣра перепугалась, но тутъ же вспомнила что вѣдь есть цѣлебное лекарство, гофманскія капли, и сейчасъ же мнѣ дала порядочный пріемъ на сахаръ и видя что не помогаетъ, еще и еще пріемъ. Пользы не было, а показалась рвота. Но вотъ мы уже вѣзжаемъ въ Петербургъ.

Я встрепенулась и съ любопытствомъ стала глядѣть, и прежде всего меня поразило что всѣ, какъ мнѣ показалось, ѣдутъ вонъ изъ Петербурга. Я сказала объ этомъ тетѣ Вѣрѣ и та заволновалась.

— Стой, Михайло, стой, кричитъ она, — поглади-ко, знать что-нибудь случилось что всѣ ѣдутъ вонъ изъ Петербурга.

— Да я и самъ, барышня, смотрю да и думаю то же, отвѣчаетъ Михайло.

Лошадей остановили и спрашиваемъ перваго проходящаго мимо насъ: что случилось въ Петербургѣ что оттуда всѣ ѣдутъ? Тотъ смѣясь совѣтуетъ намъ смотрѣть сколько туда ѣдетъ.

Мы успокоились и лошади тронулись. Въ Петербургѣ для нашего пріѣзда все обстоитъ благополучно.

По приказанію отпа, мы остановились у нашего крѣпостнаго крестьянина, какого-то подрядчика. Помню, мы вошли въ комнату

съ грязными стѣнами и такимъ же поломъ изъ щелей котораго страшно дуло.

— Вы бы, Вѣра Филипповна, свезли маленькую барышню въ баню, говорить нашъ хозяинъ, видя что я вся дрожу, — здѣсь недалеко есть отличные номера въ двѣ комнаты съ коврами и даже если захочется пить, можно спросить меду.

Тетя Вѣра послушалась и не поскупилась взять хорошій номеръ, и когда меня вымыли, мнѣ очень захотѣлось пить и я напомнила ей о медѣ который она и велѣла намъ подать, и вотъ мы съ ней порядочно попили холоденькаго медку.

Какъ доѣхали изъ бани и что со мною было, я уже узнала послѣ изъ разказовъ тети Вѣры которая страшно перепугалась, видя меня въ жару и безъ памяти, и бросилась къ знакомымъ моего отца, Адамсъ, усадьба которыхъ была недалеко отъ нашей, и такъ какъ они жили въ Петербургѣ, то отецъ какъ сосѣдъ дѣлалъ имъ разные услуги по управленію имѣніемъ. Когда мы поѣхали въ Петербургъ онъ далъ тетѣ Вѣрѣ ихъ адресъ съ наказомъ обращаться къ Амаліи Петровнѣ Адамсъ во всѣхъ затрудненіяхъ по моему опредѣленію въ Смольный.

Это были очень богатые люди, имѣли собственный большой домъ, кажется, на Владимірской улицѣ и держали своихъ лошадей.

Она сейчасъ же съ тетей Вѣрой пріѣхала въ каретѣ и увезла меня къ себѣ. Когда я нѣсколько пришла въ себя, то вижу что лежу въ чистой кровати съ кисейными занавѣсками и возлѣ нея сидитъ мальчикъ который, увидѣвъ что я открыла глаза, сейчасъ же закричалъ:

— Бабушка, она очнулась.

Ко мнѣ подошла пожилая хорошо одѣтая дама.

— Ахъ! матинька моя, вѣдь надо тебя везти въ Смольный, говоритъ она, — а то, пожалуй, пропустимъ срокъ и тебя могутъ не принять.

И вотъ онѣ съ тетей Вѣрой которая была тутъ же и заливалась слезами начали меня одѣвать, но я и съ ихъ помощію едва удержалась на ногахъ.

По выраженію Амаліи Петровны, у меня были только кости обтянутыя кожей и до меня страшно было дотронуться какъ бы я вся не развалилась.

Когда меня одѣли и тепло закутали, мы всѣ втроемъ отправились въ Смольный.

Помню что меня ввели или скорѣе втащили въ большую комнату куда вышла очень дряхлая старушка въ бѣломъ капотѣ и въ бѣломъ чепчикѣ съ оборкой. Это была начальница Адлербергъ въ послѣдній годъ ея жизни.

Меня подвели къ ней и, какъ мнѣ послѣ разказывали, я упала

къ ногамъ ея безъ чувствъ, а она сказала: Armes Kind (бѣдное дитя), велѣла тотчасъ же унести меня въ лазаретъ.

Въ Смольномъ были тогда четыре доктора: Корнеліусъ, Ивановъ, Николаевъ и главный изъ нихъ Романусъ; когда же бывали опасно больныя, то приглашали придворнаго доктора Рюль.

Въ себя я не приходила и былъ ли въ лазаретъ Рюль случайно или за нимъ посылали, навѣрно не знаю, но по разказамъ смотрительницы, онъ осмотрѣвъ меня сказалъ что я не вынесу болѣзни и должна умереть.

— Такъ будетъ же она жить! сказалъ Романусъ по отъѣздѣ Рюль, и цѣлые часы просиживалъ надо мною борясь со смертію. Долго я была безъ памяти и, по словамъ смотрительницы, не одинъ разъ думали что я кончаюсь. Какая это была болѣзнь, не знаю, но до сихъ поръ помню что въ этомъ безпамятствѣ мнѣ все казалось что лѣзу на стѣну, обрываюсь, опять лѣзу и что это была страшно мучительная работа.

Но вотъ однажды открываю глаза и слабымъ голосомъ зову маму. Ко мнѣ подошла незнакомая женщина, у ней на глазахъ слезы.

— Мамы вашей нѣтъ здѣсь, говоритъ она, — и вы не дома, а въ лазаретъ Смольнаго монастыря.

Тогда я припомнила все и прошу позвать тетю Вѣру, но и та уѣхала изъ Петербурга, не смѣя послушаться батюшки-братца назначившаго ей срокъ дольше котораго она не должна была тамъ оставаться, какъ не смѣла пріѣхавъ домой сказать ему въ какомъ оставила меня положеніи. Она очень страдала, по ея словамъ впоследствии, ожидая извѣстія о моей смерти въ которой не сомнѣвалась.

Услышавъ объ ея отъѣздѣ и почувствовавъ себя одинокой и далекою ото всего роднаго и что такъ будетъ долго, долго, я заплакала горькими слезами. Послали за Романусъ. Онъ былъ въ восторгѣ, вѣдь Рюль присудилъ меня къ смерти, а онъ меня вырвалъ у нея, но все же думаю что въ попеченіи его обо мнѣ участвовало и состраданіе къ бѣдному отторгнутому отъ семьи умирающему ребенку, и память о немъ съ благодарностію живетъ въ моемъ сердцѣ.

— Ну, теперь мы пойдемъ на поправку, сказалъ онъ, не эта поправка продолжалась очень долго. Помню какъ-то недѣли черезъ двѣ попробовали при немъ спустить меня съ постели, но оказалось что и не владѣю ногами и сейчасъ же упала, и какъ онъ смѣялся говоря:—Вотъ мы съ тобой теперь пара, я на своихъ костылихъ, а ты на своихъ, хотъ кадрили танцовать.

Онъ не владѣлъ ногами и въ лазаретъ его носили въ креслахъ.

Это былъ сѣдой, высокій старикъ, суровый и строгій, его всѣ очень боялись, но со мной былъ ласковъ. Разспрашивалъ о домѣ, род-

ныхъ, и когда разказывалъ о нихъ и о тетѣ Вѣрѣ я готова была плакать, онъ утѣшалъ меня, говоря что мы непременно эту тетю Вѣру выпишемъ, и видя мое сомнѣніе прибавлялъ:

— Ну какъ она можетъ не пріѣхать, когда мы ее выпишемъ, и я готова была вѣрить, вѣдь мнѣ было только восемь лѣтъ.

Наконецъ дѣло дѣйствительно пошло на поправку. Сперва меня водили подѣ руки и учили ходить, но день ото дня я дѣлалась все крѣпче и крѣпче, и Романусъ сказаль что черезъ недѣлю выпустятъ меня изъ лазарета, но не иначе чтобъ я еще двѣ недѣли не училась, а пробыла это время въ маленькомъ лазаретѣ, находившемся на одномъ коридорѣ съ дортуарами (спальнями).

Въ это время какъ я лежала въ лазаретѣ приносили другихъ маленькихъ больныхъ, остававшихся тамъ не подолгу. Я съ ними знакомилась и онѣ со мной были ласковы, разказывали объ учителяхъ, классныхъ дамахъ.

Отъ нихъ я узнала что по просьбѣ тети Вѣры я была назначена въ дортуаръ классной дамы Ма—вой, бывшей такъ же какъ и я Костромской губерніи: она думала что мнѣ будетъ у нея лучше, но вышло какъ разъ наоборотъ, но объ этомъ послѣ.

Съ нетерпѣніемъ ждала я дня выхода изъ лазарета, но вотъ на послѣднихъ дняхъ моего тамъ пребыванія привели къ намъ одну дѣвочку, С—ву.

Это было маленькое, смугленькое, юркое существо, съ косыми глазами, съ большими оттопыренными ушами, съ острокопечною головою наверху которой торчалъ вихорь. Она постоянно грызла ногти и они у ней на половину были обкусаны.

Пришедши въ лазаретъ, она первое знакомство со мной начала съ того что чуть меня не прибила и еслибы не надзирательница за больными, очень добрая женщина (звали ее Марьей Васильевной), она непременно бы это исполнила. Марья Васильевна Романусъ особенно велѣлъ наблюдать за мной. Когда его принесли послѣ этого въ лазаретъ, она ему пожаловалась на С—ву и, Боже мой! чтѣ сдѣлалось съ моимъ старикомъ, я даже испугалась увидя его такимъ. Онъ застучаль костылями, закрпчалъ:

— Какой у ней *febris catharalis*, (какъ было написано у нея на доскѣ надъ кроватью) у ней просто *febris* притворялись, и велѣлъ ее сейчасъ же отвести обратно въ классъ.

Уходя изъ лазарета, она погрозила мнѣ кулакомъ, сказавъ:

— Выходи только отсюда, я тебѣ задамъ, вѣдь мы съ тобой въ одномъ дортуарѣ, и этимъ отравила мои ожиданія.

Наконецъ наступилъ этотъ день. Я пробыла въ лазаретѣ, какъ мнѣ сказали, ровно два мѣсяца.

Надо сказать, въ то время лазаретъ былъ очень далеко отъ классовъ и обыкновенно больныхъ сажали завернутыми въ одѣяло въ особо устроенное кресло безъ ножекъ, по бокамъ съ длинными палками, за концы которыхъ брались два служителя и несли, а впереди шла классная дама. Песли долго, поднимались и опускались по какимъ то лѣсенкамъ; но выздоравливающія уходили сами въ сопровожденіи женской прислуги которой было по двѣ на каждый дортуаръ. Меня же Романусъ и изъ лазарета велѣлъ такимъ же образомъ, завернутою въ одѣяло и въ больничномъ бѣломъ балахонѣ, отнести въ дортуаръ, наказавъ еще разъ чтобы двѣ недѣли продержали меня въ маленькомъ лазаретѣ въ то время какъ другія пойдутъ въ классъ учиться.

Когда меня принесли, служащая дѣвушка ввела меня въ огромную комнату, по обѣимъ сторонамъ которой, съ проходомъ по срединѣ, стояли кровати, возлѣ каждой изъ нихъ по столику, а въ концѣ по табуреткѣ. На обоихъ коннахъ этой комнаты стояло по большому столу, за которыми, когда я вошла, сидѣло много дѣвочекъ. Былъ какой-то праздникъ и классовъ не было. Меня подводятъ къ одному изъ нихъ, всѣ смотрятъ съ любопытствомъ, но я уже издали вижу моего маленькаго врага, который коварно улыбаясь даетъ мнѣ мѣсто около себя.

Классной дамы въ это время не было за столомъ.

Начинается разговоръ. С—ва спрашиваетъ меня:

— Ты ѣла жирандольки? Я отвѣчаю что не знаю что такое жирандольки. Она меня толкаетъ больно локтемъ въ бокъ, такъ что у меня наворачиваются слезы.

— Mesdames, она не знаетъ что такое жирандольки, а сама опять толкаетъ въ бокъ. Одна изъ дѣвочекъ поддерживаетъ С—ву и говоритъ что она ѣла жирандольки и что они очень вкусны. Всѣ смѣются. Продолжается допросъ моей учительницы.

— Ты кого обожаешь? и на мой отвѣтъ что не знаю что такое обожать, она меня больно щиплетъ и я готова разрыдаться, мысленно призывая Романусъ. Но тутъ всѣ за меня вступились, закричали на С—ву, говоря что пойдутъ жаловаться m-me Ма—вой и начали мнѣ рассказывать что такое обожать. Это стараться видѣть обожаемый предметъ, который былъ обыкновенно изъ дѣвицъ старшаго класса, и когда она мимо проходитъ, то кричатъ ей вслѣдъ: *ange, beauté, incomparable, cѣleste, divine et adorable*, разумѣется не при классной дамѣ, потомъ писать обожаемое имя на книгахъ и тетрадяхъ съ восклицательными знаками и съ прибавленіемъ тѣхъ же самыхъ словъ.

Но я иначе поняла это обожаніе и подумала что вѣрно няню